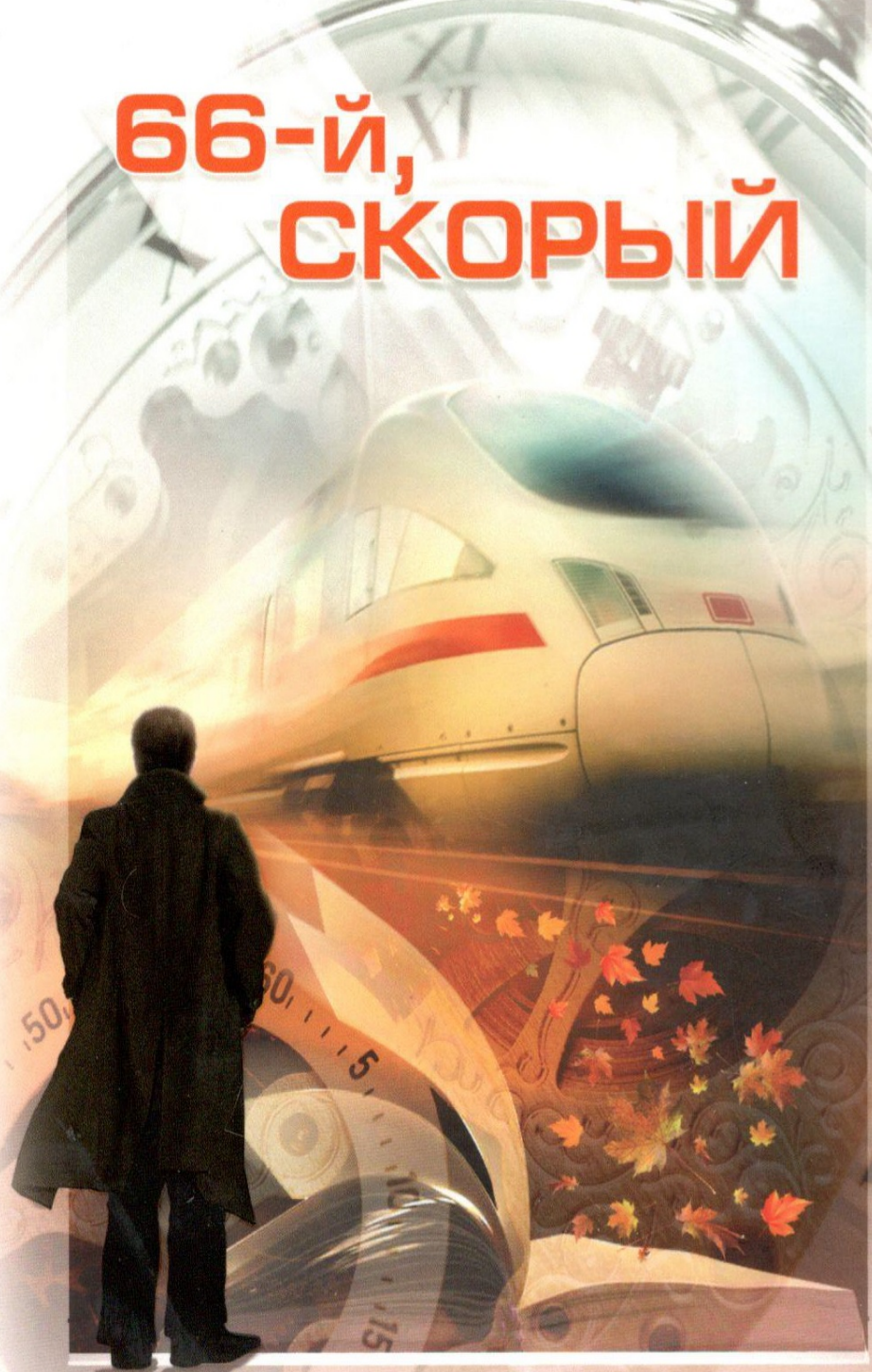
66-й, скорый



Москва-Praha

ISBN 978-5-906688-05-7

© Шварц В., 2015
© Издательский дом Шварца, 2015

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обычно предисловия к книгам авторы просят написать известных в литературе людей. Но, поскольку я известен самому себе лучше, чем кому бы то ни было, на этот раз мне захотелось нарушить данную традицию. Итак, несколько слов об этой книге и ее авторе.

Здесь, как может легко убедиться читатель, собраны стихи – литературные произведения, в наше время отнюдь не пользующиеся популярностью по сравнению со всякими триллерами, сиквелами, приквелами и прочими, извините за выражение, бестселлерами. Не станем вдаваться в причины возникшей ситуации, но тем не менее скажем, что все еще находятся люди, которые по-прежнему занимаются этим безнадежным делом. Среди них и автор сборника, увлекающийся поэзией лет этак с пяти и продолжающий – плохо ли, хорошо ли – писать и по сей день (а на момент выхода этого сборника ему (автору) стукнуло 65 годков). Отсюда нетрудно догадаться, почему данный труд получил название «66-й, скорый»: годы летят подобно скорому поезду, и вот уже 66-й, отчалив от перрона жизни, помчался в неведомую даль, ибо конечная его остановка, по вполне понятным причинам, автору пока неизвестна.

Что еще можно сказать? Не мне оценивать этот сборник - на то, хочется верить, найдутся его читатели, которые, быть может, даже пришлют свои мнения на мою почту **vshvartz@gmail.com**, за что я был бы им весьма благодарен. И, дабы слегка расширить знания возможных читателей о создателе этих стихов, скажу, что данный сборник – не первый. В моем литературном активе - несколько книг, выпущенных в разные годы, поэтические спектакли и мюзиклы, диски с песня-

ми, музыку к которым писали замечательные композиторы, а до народа их доносили не менее замечательные исполнители.

Конечно, в данном тексте не могу не упомянуть и тех, кто постоянно подпитывает желание автора писать, поскольку именно им в первую очередь адресуются его труды. Это дочь Алена, ее муж Олег, их дети Максим и совсем еще маленький Денис (ему, правда, только предстоит научиться читать). Это и сын Антон, его жена Света, их дети Аня и Даниил. И, наконец, это супруга Ольга, без которой стихи автора были бы гораздо пессимистичнее.

Ну вот, пожалуй, и все: поезд отправляется! Тот самый, скорый, 66-й…

Виктор Шварц

66-Й, СКОРЫЙ

Скорый мой, 66-й:
Семафор открыт зеленый!
И мелькают елки, клены,
Перелески, перегоны…
И бегут, бегут вагоны
В край, неведомо какой.

Тоже мне еще «Сапсан»…
Что ж ты мчишься постоянно?
Хоть немножко постоял бы,
Погудел бы… Было б славно,
Если б ход замедлил плавно
И от графика отстал.

Но летит, летит стрелой
Скорый мой,66-й!

Что оставил позади?
Перечислить – не поверишь.
Расстоянье не измеришь,
И потери не оценишь,
И маршрут уже не сменишь…
Ну постой же, погоди!

Эх, рвануть бы хоть стоп-кран!
Чтобы искры фейерверком,
Россыпью играя в ветках,
Поднялись, как звезды, кверху
И рассыпались по ветру,
Прорываясь сквозь туман.

Нет, летит, летит стрелой
Скорый мой,66-й.

Видно, тот шальной запас,
Что еще колеса крутит,
Не иссяк. И снова кручи,
Переезды, перепутья
(Чтобы жизнь казалась круче)
Отдают судьбе приказ.

И летит, летит стрелой
Скорый мой,66-й!

СТАРИННЫЙ АЛЬБОМ

Старинный альбом золотого шитья.
Обрез золотой, золотые страницы…
И тонкие лица, прекрасные лица
Ко мне возвращаются из забытья.

Кто вы – незнакомки в шелках и манто?
Кто вы – незнакомцы в мундирах и фраках,
Погибшие в тех безнадежных атаках,
Исхода которых не ведал никто.

Истории сломы взросли на крови,
И в дьявольской смуте не может быть правых.
Но кто вы, прекрасные юные дамы,
Что так и ушли, не изведав любви?

Двадцатый – проклятый, растоптанный век,
Измученный властью всемирных злодеев!
Старинный альбом, золотая Помпея,
Быть может, один вопрошает за всех.

Мне б до звезды рукой достать
И опустить в ладонь…
Придут в ночи отец и мать,
Зажгут в дому огонь.
Мы сядем молча за столом,
Мы будем есть и пить…
И я спрошу отца потом:
«Скажи, как дальше жить?
Я вроде сделал все, что смог.
Копил души добро,
Не подличал… и, видит Бог,
Не предал никого.
Работал много, строил дом,
Растил двоих детей.
Особо не грешил вином,
Не стлал греху постель.
И вот теперь мои виски
Седой порошит дым,
И много места для тоски,
И слишком мало сил.
А впереди – тяжелый путь
Туда, где меркнет свет,
И не уйти, и не свернуть
С дороги этой, нет.
И не отбросить, не сорвать
Проклятый тот венец…
Нет сил молчать, нет сил кричать…
Так как же жить, отец?».
Полночный блеск звезды венчал
Наш в доме закуток.

Отец немного помолчал,
Отпил вина глоток.
Еще не грезился рассвет,
Не теплилась заря…
«Какой же дать тебе совет?
Ты - пережил меня…»
И снова лишь вино отпил…
Спал сумрак по углам…
И маму я тогда спросил:
«Так как же жить мне, мам?
Скажи хоть ты! Ведь были дни,
Когда любовь твоя
Нас уводила от беды
В счастливые края.
И, словно горсть воды, черпал
Я в ней удачи весть.
И был, кем был, и стал, кем стал…
Теперь вот вышел весь!»
И снова висла тишина
В ночи вокруг стола.
И мама свой бокал взяла,
И выпила вина.
Седую прядь согнав с виска,
Взглянула сквозь окно
И, помолчав, произнесла:
«Я умерла давно…».
…Предательство горячих слез
Рукою отстраня,
Я видел в небе столько звезд,
И где-то там – моя.
Их в небе задержал рассвет
Еще на полчаса.
Но больше я не слышал, нет
Родные голоса.
И скрылся в дымке старый дом -
Приют печальных грез…
Все это был один лишь сон.
Сон, сотканный из слез…

УХОДЯЩАЯ НАТУРА

Жили себе да были
(«Были» - печали мотив…)
Те, кто страну любили,
С нею судьбу разделив.
Владельцы рифм и созвучий,
Художники слов и дел
Хотели, чтоб стало лучше,
Да мало кто преуспел.
Ломая барьеры времени
Из стали – не из стекла,
И верили, и не верили…
А жизнь-то и истекла…
И снова страна во мраке,
И мрак подползает к душе.
Вас в новой не будет драке,
Да будет ли драка вообще?
А что потеряла эпоха?
Так это известно давно:
Эпохе не будет плохо,
Ей, в общем-то, все равно.
Все пишется свиток горестный,
Все часики щелк да щелк…
Нет в мире печальнее повести,
Чем повесть о тех, кто ушел…

Что–то нынче мы все замолчали…
Жизнь иные диктует права?
Отшумели свое, откричали,
Разменяв на полушки слова.

Мы не стали ни лучше, ни чище,
Не покаялись и не спаслись.
Будто в сталинские усищи
Нам опять ухмыляется жизнь.

Ложь, примерив поярче одежды,
Словно шлюха, все ищет утех.
И талдычит свое про надежды
Да единое счастье для всех.

Мы давно эти слышали песни:
В те проклятые Богом года,
Когда шли с пересылки на Пресне
В невозвратную даль поезда.

Словно тени, тянулись колонны,
Молча брел за этапом этап…
Что-то снова кружит черный ворон,
Что-то снова, ребята, не так…

ОСЕННИЙ МАРАФОН

Я стал от жизни уставать,
Я стал от жизни отставать.
Нырять отчаянно в молчанье,
Чужим не верить обещаньям
И ничего не объяснять.

О, тот осенний марафон!
Дни, не дающие покоя…
Устал я гнаться за судьбою,
Устал искать в горячке боя
Созвучия иных времен,

Где слезы горьки и чисты,
Где речи пылки и правдивы
И где на нежные холсты,
Напоминая дни весны,
Зеленые склонялись ивы…

Все отшумело, все прошло,
Оставив привкус нот фальшивых,
Пустых словес, улыбок лживых,
Надежд, утраченных давно.
И тянет, тянет груз на дно...

Мы не живем, а доживаем,
Хотя конца пока не знаем,
Когда придет он – судный час?
А, может быть, его ускорить
И этим сердце успокоить?
Ведь все равно оно предаст.

Мы доживаем, доживаем,
Мы новый век не понимаем –
Заложники ушедших дней.
В чужие игры лишь играем
Мы – пленники воспоминаний
И собеседники теней.

Перебирая память детства,
Боимся в зеркало вглядеться:
Оно теперь – верховный суд.
Куда от этого нам деться?
На пепелище не согреться…
А стрелки все быстрей бегут…

ОТЕЦ

Мне плохо без отца:
Без рук его, без слов.
Не разглядеть лица
В сухой горячке снов.
Ушел он в те края,
Где боли больше нет.
Скорбит душа моя,
Метет поземкой снег.

Мне плохо без отца,
Да что судьбу винить.
Не выпить с ним винца
И не поговорить.
От ветра скрипнет дверь,
Как будто позовет.
Но пустота за ней,
И там никто не ждет.

На старом снимке дом,
И двор травой зарос.
Мы жили в доме том,
И было все всерьез.
Но горький в горле ком,
И нет тоске конца.
Как трудно быть отцом…
Как трудно без отца…

РАЗГОВОР С ДУШОЙ

- Душа, скажи, достигла ль ты предела,
Когда уйти охота на покой?
- Да нет же, к жизни я не охладела
И остаюсь, как прежде, молодой.
- Но если к жизни ты не охладела
И если сил по-прежнему полна,
То почему же ты не дружишь с телом,
Как это было в прежние года?
- Что делать мне? Комфорт давно потерян.
Я тело не могу никак понять.
То все скрипит, то где-то там потеет,
А то лежит, и вовсе не поднять.
Вот раньше: мы ведь жили тело в душу,
Резвились, пили, делали дела,
И каждый был другому так послушен,
Как будто мать нас вместе родила.
Ну а теперь… Вот, скажем, было дело:
Душа горела, так ее б залить…
А тело ни в какую – это тело
Вообще не хочет больше водку пить!
Или еще: душа простора жаждет,
На волю б мне – гуляй себе как хошь.
А тело спит – его будила дважды,
Бревно бревном: мол, отвали, не трожь!
Я понимаю: возраст, все такое,
А мне-то каково в расцвете сил?!
И как оставить тело мне в покое,
Когда всю жизнь живу я вместе с ним?
И не остыла я, не оскудела,
Ему ж хоть кол на голове теши.

Я думала уже покинуть тело,
Да что ж за тело, на хрен, без души.
Терплю, ворчу, в безвыходности маюсь,
Покоя нет ни ночью мне, ни днем…
Уж, видно, все одно: когда состарюсь,
Тогда вдвоем мы в лучший мир уйдем…

ЯД ВАШЕМ*

Немецких овчарок не любят в Израиле.
Израилю псы эти душу изранили.
Молясь в Яд Вашеме на свеч колыхание,
Я слышу их сиплое, с кровью, дыхание.

Я вижу, как в Бабьем Яру или в Треблинке
Глазенки еврейского мальчика трепетно,
Расширившись в ужасе и не понимая,
Глядят на овчарок, зашедшихся в лае.

И рвется с клыков их горячая пена,
И скоро не будет ни ада, ни тлена.
Лишь небо бездонное в Иерусалиме
Безвинные души обнимет и примет…

Наверное, в этом не псы виноваты,
А те, кто людьми назывались когда-то.
Но мне не избавиться, все понимая,
От этого лая. Смертельного лая…

*Яд Вашем — *Национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и Героизма в Иерусалиме.*

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР

Ушел в небытие эпистолярный жанр:
Открытка – десять строк, письмо –
листок к листку.
Когда от пары слов тебя бросало в жар
Или хотелось лед прикладывать к виску.

Как ждали мы конверт в подъездном закутке…
Там ящиков ряды глотали по утрам
Газетные столбцы, журналы в завитке
Обложек, где лежал литературный хлам.

И вдруг – твое письмо в оттенках штемпелей,
Оно еще таит неведомую суть.
Признание в любви? Томленье долгих дней?
А может, приговор: «Прощай! Не обессудь…»?

Эпистолярный жанр, соединив века,
Сберег тепло души и вести - день за днем.
И оставалась жить та хрупкая строка,
Которую давно доставил почтальон.

В ней жизни и судьбы неизгладимый след,
Он в памяти не стерт и вечностью храним.
На каждом из листков лежит прозрачный свет,
И, как огонь души, тот свет неугасим.

Нам время приговор выносит, словно суд,
Что мишурою дней блестящею пленен …
А письма все идут, сквозь все века идут –
Печальные значки совсем иных времен.

ЗАКАТ В СПЛИТЕ

Лодки – утки на волне.
Даль тихонько розовеет.
Ничего не пламенеет
Ни на небе, ни во мне.
Видимо, пришла пора:
Улеглись былые бури.
Знать, и мне уже пора
Собираться в даль иную…

БАЛЛАДА О ВЕРНОМ ГУСЕ

Ни кредитов нет больше, ни лизинга.
Кризис держит за горло нас, гнус.
А не кликнуть ли нам Гуса Хиддинка?
Пусть возглавит правительство Гус.

Он себя показал обстоятельно -
Сколотил коллектив. Молодец!
Да чего там, мужчина старательный,
Футболистам был словно отец.

Чемпионами, правда, не стали мы,
Но за Гуса любого порвем…
Это как при товарище Сталине,
Что Отечество к счастью привел.

С ним повывели гадов в утробе мы,
Отдыхай, мол, родная страна…
А теперь Штаты вон что устроили:
Были бабки – и нет ни хрена.

Ох, в правительстве что-то не ладится.
Доллар скачет, нефть хоть не качай.
Ну, придите вы к Гусу, покланяйтесь:
Мол, брателла, давай, выручай!

Наши, все видно, нынче подвыдохлись,
И теперь им хоть верь, хоть не верь.
Олигархи вон тоже повывелись,
Отвалили, видать, в Куршавель.

Ну а Гус - с европейской закваскою,
Живо делу обучит страну.
Он посадит нам травку голландскую,
Будем дружно косить трын-траву.

Он поднимет с колен Русь соборную,
Мы забудем про всякий кредит.
А кого будем ставить на сборную?
Да пол-Думы без дела сидит!

ИСПОВЕДЬ КРОЛИКА

«Ну и что? - сказал мне кролик.-
Я по жизни – алкоголик!
Но один я пить боюсь,
Потому-то и плодюсь…»

ПРОЩАНИЕ

Я - выкидыш… Из той системы,
Где все свершалось постепенно,
Не враз, не в день – за годом год.
Где, проклиная дни свободы,
Все «просвещенные» народы
Добились собственных невзгод.

Уютно ли им в том болоте,
Среди припудренных блевотин,
В миазмах терпкого вранья
Из ящиков, плюющих гнусью,
Из-под пера служак искусных,
Из глоток крепких, как броня?

Им снова видится Россия,
Которую ведет Мессия
На бой кровавый и святой.
Чужой землею прирастая,
Она встает с колен, блистая
Своей пожухлой красотой.

…Я был на кладбище недавно,
Покоятся там папа, мама…
В тот день шел тихо первый снег.
Хотел к могилам прикоснуться…
Как знать, удастся ли вернуться?
«Давно, усталый раб, замыслил я побег…».

Его доставили в санбат,
А он ни в чем не виноват,
Вот разве только был
Чуть-чуть неосторожен.
Но на войне, как на войне:
Жизнь поднимается в цене,
А торговаться о цене
С судьбой негоже.

Он молча ей себя вручал,
Он и от боли не кричал,
И только пальцы, побелев,
Сжимали простынь.
Еще не знал, что он – без ног,
Еще мечтал, что выйдет срок
И встанет он, и, видит Бог,
Все будет после…

«ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ». 1991 ГОД.

Я придумал тогда газету…
Не для славы и не от скуки.
Я придумал создать газету
В дни сумятицы и разрухи.
Не за тем она появилась,
Чтобы денег срубить на старость,
А затем, чтоб душа раскрылась
И, босая, в народ подалась.

Мы поверили в зов свободы,
Ощутили, что страх не душит,
Хоть и были прочны оковы,
Мозг сковавшие равнодушьем.
Но в иной, неподсудной выси,
Где душа обретала смелость,
Слишком много скопилось мыслей,
Слишком много сказать хотелось.

Я придумал создать газету…
(Пусть лежал их в киосках ворох)
Ради тех, кто искал ответа,
Ради тех, кто был сердцу дорог.
И ночами ломая строчки,
И шагая отнюдь не в ногу,
Ради сына и ради дочки
Я упрямо торил дорогу.

Пусть от времени стерся посох,
Ночь права забирает у света,
И не спрятаться от вопросов,
На которые нет ответа.

Пусть все реже взлетают искры
Над костром, опускающим крылья.
И мучителен отсверк истин,
Тех, что эти годы открыли.

Но ведь песня еще не спета,
Хоть усталость у глаз легла.
Я придумал создать газету…
А нужна ли она была?

НА СМЕРТЬ СОЛЖЕНИЦЫНА

Хоронили «генерала»!
Гроб военные несли.
Видно, штатских нынче мало
Остается на Руси.

И полковник при повязке
Суетился, как родной.
И штыки блестели в смазке,
Хоть сейчас иди на бой.

А потом, по ритуалу,
Отпрощались и, отпев,
Опустили «генерала»
У дубов в отрытый зев.

И салют взгремел военный,
И оркестр дал, как смог.
Был денек обыкновенный,
Августовский был денек.

И не вздрогнула Россия…
Лишь потом народ узнал,
Что назначен быть Мессией
Этот самый «генерал».

Стал он ростом выше сразу
(Хоть лежал уже в земле)
По высокому указу,
Что подписан был в Кремле.

Сей почетной синекуры
Удостоен он страной,
Где творцов литературы
По ранжиру ставят в строй.

Зеком был? В ЦК гнобили?
Жить хотелось не по лжи?
Но Мессия ты отныне,
Так Мессией и служи.

Не какая-то шалава,
Не какой-то мелкий бес…
И смотрел Варлам Шаламов
Грустно с краешка небес.

Я плыву по реке, но не знаю реки той названье.
Неизвестно, куда меня сносит теченье ее.
Я не вижу причалов: может, их в темноте огибаю?
И не знаю, когда истечет бесконечное время мое.

Как попал я сюда? Где взял жалкую лодку без весел,
Почему к берегам меня этой реки не прибьет?
Листья падают в воду… Значит, бесится поздняя осень…
А дождусь ли весны? Или больше она не придет?

То ли это Харон увлекает меня к переправе,
То ли это судьбы до конца догорает свеча?
Кто же, черт побери, приговор был мне вынести вправе,
Или сам я отдался безвольно рукам палача?

Но ладони свои бросив в мертвую стужу теченья,
Я пытаюсь руками грести - и еще прохожу поворот…
Может быть, обогнув его, там я увижу спасенье
Или кану бесследно в предначертанный водоворот…

СКАЗКИ

Вот и дети стали взрослыми,
Словно вдаль умчалось лето.
И не мучают вопросами,
И не требуют ответа.

Изменилось время-времечко,
Не приходит в зиму оттепель.
Были мальчики и девочки,
Стали дяденьки и тетеньки.

Детства радужные краски
Блекнут в проседи туманной.
И уже им на ночь сказки
Не читают папа с мамой.

И к чему? Иные дани
Им теперь платить по нраву.
И мечтанья, и метанья –
Это прошлого забавы.

Ну а я, впадая в детство,
Все прошу хоть малой ласки.
И ищу, слепец, то средство,
Что вернет мне на ночь сказки.

Да, наверно, слишком грешен
Или возрастом не вышел.
Я б заплакал – не утешат.
Закричал бы – не услышат.

Притаилась боль комочком,
Что растет в душе, не тая.
Знать, уже ни сын, ни дочка
Сказок мне не почитают.

ДЕТЯМ

Стучится в чей-то дом беда…
Пока не в ваш… Весы качаются…
Отцы уходят навсегда
И никогда не возвращаются!

БАЛЛАДА О СТАРОЙ ЛЕДИ

Струился красный плющ по замку,
Сплетая кольца у окон…
Ты просыпалась спозаранку
И выходила на балкон.
А там, внизу, изгиб аллеи,
Где, словно символ неземной,
Зарю встречая, Галатея
Светилась молча пред тобой.
Седые пряди прочь откинув –
Отметины ушедших дней,
Как будто прошлое отринув,
Ты застывала перед ней.
Глаза в глаза… Неотвратимо
Судьбы заклятье в этот миг.
Там – юности живая сила,
Здесь – старости печальный лик.
Там и святош призывно манит
Нагая плоть тугих сосков.
Здесь сердце, как стрелою, ранят
Морщин дорожки у висков.
Там бедра расцвели зовуще…
О, как чудесен этот плен!
Здесь – отвращенье век набухших
И подагрических колен.
Глаза в глаза… Невыносима
Ушедших в Лету лет печать.
Зачем себя приговорила
Ты вечно юной изваять?
И с каждым днем все чаще, чаще
Читаешь свой ты приговор.

И век тебя упрямо тащит
Как к эшафоту, на балкон.
И там, одна, в тумане боли
Глядишь на то, что вдалеке.
И только катится невольно
Слеза по сморщенной щеке…

ПРОЩАНИЕ С МАНЕЖЕМ

Цирк часто снится мне,
Усталый и понурый.
Совсем, совсем не тот –
В сиянии огней.
Охрипшие слоны,
Поникшие фигуры
Гимнастов и шутов -
Манежа королей.
Вот и закончен бал,
Вот и погасли свечи.
В кулисах серый свет
Скрывает реквизит.
Вновь отыграв финал,
Бредет с арены вечер.
И всхлипнувший тромбон
Вдруг сердце поразит.
И вроде только что
Все пело и сияло,
Хвостами били львы,
Смеялась детвора…
Куда же, черт возьми,
Все это вдруг пропало?
Уехал, что ли, цирк,
Который был вчера?
А может, это я
Устал от жизни яркой,
От бешеных огней,
Когда по кругу – вскачь,
Когда давным-давно
Ударам и подаркам

Потерян в жизни счет,
Да и к чему считать?
Цирк часто снится мне,
Но не таким, как в детстве.
Заветный леденец
Растаял, словно дым…
И некуда идти,
И не во что вглядеться…
Напрасно старый шут
Свой поправляет грим.

Эта новость в мире не озвучится,
Разве телефон чуть-чуть вскипит.
«А Ильич-то, слышали, отмучился,
Жизнь-жестянка, мать ее едрит…».
Близкие смахнут слезу ладошкою,
Горло их охватит горя спрут.
И Аленка под руку с Антошкою
Медленно с погоста побредут.
Бросьте, дорогие, что печалиться,
Внемля утешительным словам.
В этой жизни всякое случается,
Вот и выпал этот случай вам.
Да и мне, знать, тоже время вышло.
У судьбы всегда особый счет:
Кому плаха, водка или вышка,
Или что в запасе там еще.
Мне никто не выписал отсрочку,
Видно, наступил тот самый край…
Строчку дописав, поставил точку,
А теперь вот ждет иная даль.
Ну и хватит. Жизнь была и била,
Радости и горести даря.
Только бы любимая простила,
Что оборван лист календаря…

ЭЛЕГИЯ

Мир канул в ночь… Далеких звезд сиянье
Летит на нас с тобой со всех сторон.
И слышится лишь тихое дыханье
Да дальней церкви колокольный звон.

Уже и осень по соседству стынет,
Но тайный знак ее пока сокрыт…
Под гладью волн скользят по белой глине
Тугие тени полуночных рыб.

Все здесь – в краю, где сказочные замки
Полны реальной боли и тоски,
Мне грезятся какие-то обманки,
Как будто сердце сжавшие в тиски.

И только ты, призыв изведав тела,
Замкнув глаза на тени от ресниц,
Реальность бытия вернуть сумела,
Стерев различье судеб и границ.

Так ночь перед восходом отступает,
Так солнца луч наш новый день вершит.
Что принесет он нам? Никто не знает,
Но даже осень больше не страшит.

ЭТИ ПАМЯТНЫЕ ЗВУКИ

Ирине Гинзбург-Журбиной

На старинном пианино,
Где играли вы, Ирина,
Ваше фото милое стоит.
Мы не виделись лет двадцать,
Но я должен вам признаться:
Сердце все еще любовь хранит.
Пусть прошли года разлуки,
Эти памятные звуки,
Этот голос, этой кожи шелк,
Эта боль сердечной муки,
Ваши губы, ваши руки,
Ваши дети, ваши внуки –
Ах, sehr schön*.
И забуду я едва ли
Старый вальс, что вы играли,
Словно он пришел из наших снов.
Вы чему-то улыбались,
Будто молча извинялись,
Что звучала музыка без слов.
Вы немножко постарели,
Только что мне, в самом деле,
Вдаль стремглав летящие года.
Пианино те же звуки
Зачеркнут года разлуки.
Музыка, как прежде, молода.
Пусть прошли года разлуки,

* sehr schön (нем) – *очень красиво*

Эти памятные звуки,
Этот голос, этой кожи шелк.
Эта боль сердечной муки,
Ваши губы, ваши руки,
Ваши дети, ваши внуки –
Ах, sehr schön!

СНЕГ ИДЕТ

Снег идет, снег идет,
Мокрый снег над Прагой кружит,
Словно знак - предвестье стужи
Нам октябрь подает.

Он хохмач и озорник:
То теплом едва коснулся,
То ветрами встрепенулся,
То дождем к окну приник.

Снег идет, снег идет,
Мокрый снег скользит по крышам.
И молитва еле слышно
Над костелами плывет.

Снег торопится к реке
И, стихая, засыпает.
Мокрый снег во Влтаве тает…
Тает на твоей руке…

К вечной выси подступает
Проседь Карлова моста.
И в тумане лик Христа
Как надежда проступает.

Оленьке

Художница питает живопись,
Рука послушно выкамаривает:
На полотно слетает живность -
То бабочкой, а то комариком.
Цвета, цветы - все перемешано,
Но, на холсте след оставляя,
Она, как птица пересмешник,
Чуть-чуть реальность поправляет.
И кисточкой, прилипшей к кисти,
Торит в тиши свою дорогу.
Не отрицая прежних истин,
Но новые прося у Бога.

ПАРИЖ. НАЧАЛО XX ВЕКА.

Вон Шагал пошагал.
А за ним вдали – Дали…

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ТКАЧЕНКО

Снег таял под ногами, таял, таял…
Декабрь. Вроде по уму - зима.
А мы стояли у могилы Сани,
Молчали, словно стыла в нас вина.
И поп чего-то нес – ведь деньги плачены,
И лес шуршал – ему-то не впервой…
Кого-то горе захлестнуло плачем,
А кто-то ник седою головой.
Санек, ты что? Ты охренел, в натуре?
И время не твое, и час не твой!
Бог на чужой сыграл клавиатуре,
А ты чего поддался, братка мой?
Кладбище в Переделкино – не наше,
Там гении лежат, нам не туда.
Нам только взять по сто да выпить, Сашка,
И в жизнь идти, у нас еще дела.
…Лишь родничок, не дав ни ноты фальши,
Журчал у ног твоих, не смея лгать.
Машины мчались - дальше, дальше, дальше,
Но им тебя уже не обогнать!

РАССТОЯНИЯ

Нет, не встречи, не расставания,
Не минуты, не даже дни…
Расстояния, расстояния –
Шрамы горькие у любви.

Где-то там, за семью морями,
Дом, который твой смех хранит.
Расстояния, расстояния –
Неподвластный судьбе гранит.

Грех отмолится покаянием,
Но не видно конца пути.
Расстояния, расстояния –
Мост, который не перейти.

Вскрикнет поезд перед прощанием,
Словно криком стремясь помочь.
Расстояния, расстояния -
Бессердечные, словно ночь.

В бесконечности мироздания
Растворяются все сердца.
Но хранят любовь расстояния –
Звонкой радуги два конца.

Жизнь картой пустою в колоде
Проходит без бурь и страстей.
Но юная дама приходит
В накидке из теплых дождей.

Виденье из плоти и крови,
Из нежных потоков волос
Приходит забытою болью,
Пугающим отсверком гроз.

Поверить ли снова, что сердце
Способно, как в прежние дни,
Услышать старинное скерцо,
Что вскрикнули скрипки любви?

Когда в этот миг между нами
Легли, словно зыбкий мосток,
Дни скорби моей и страданий
В том мире, что слишком жесток.

И дом мой, засыпанный снегом,
Где стынет забытый портрет,
Давно уже солнечным светом
И светом любви не согрет.

Но разве волшебные сказки
Написаны лишь для детей,
Что все карнавальные маски
Срывают без всяких затей?

Нет, отзвук того карнавала
Вдруг вспыхнул, подобно огню,
В душе, что так долго искала
Волшебную сказку свою.

ПРЕДРОЖДЕНИЕ ДОЧКИ

Из сомнений твоих, отступающих прочь,
Из кружившего головы жара
Разгорается пламя, пронзившее ночь
Той весны, что в плену нас держала.

В этом пламени – ветров ночных голоса,
Шелест звезд, постижение тайны.
Это пламя – в ладонях, в глазах, в волосах,
В каждом шорохе, в сплаве дыханья.

Сжать минуты! И плакать, и петь, и пьянеть,
Умереть и опять возродиться.
И хотеть, и хотеть, и хотеть, и хотеть
До истока в тебя перелиться.

…А потом, забытье с грешных губ сцеловав,
И не ведая скрытые токи,
Вдруг прочесть в твоих очень далеких глазах
Новой жизни начальные строки.

Откуда ты взялась?
В душе так пусто было…
То падал снег, то дождь
Траву легко качал…
А я тебе звонил…
Гудки тянулись длинно,
Но мне на всей Земле
Никто не отвечал.
И вдруг как солнца луч
В стекло с утра ударил…
Откуда ты взялась,
Ворвавшись в жизнь мою?
Где истину искать:
Судьбы ли это дар мне,
Или прекрасный сон
У бездны на краю?
Мы горько жили врозь,
Нас жизнь нещадно била,
Но, может быть, теперь
Надежду нам дала.
Уходит тихо боль,
Что в сердце льдинкой стыла…
Откуда ты взялась?
Где столько лет была?

ИННА

А вы-то, красавица, кажется, «бурный поток»…
Так я прочитал толкование имени Инна…
Представился мне первозданный свет аквамарина,
Что тронул начальный, чудесно хрустальный исток.

Откуда он взялся? Из горных ли Татр, где бегут
Ручьи, обнимая и зелень, и травы, и камни…
Усталого путника чистые струи влекут,
И он припадает к потоку, лаская в нем капли.

А может, потока исток – из литовских озер,
Из Немана мощного – там, где взрываются краски?
Из тех дивных мест, где сегодня любой фантазер
Творит, как когда-то, баллады, и песни, и сказки.

Мы помним истоки свои, но представить не можем, увы,
Что будет сегодня и завтра и что обещает нам встреча.
Какие открытия в будущем нам суждены,
И будет ли теплым тот ветер, что тронет за плечи?

Но хочется верить, что это случится, когда
В глазах отразятся глаза и улыбка - в улыбке…
И, может быть, где-то сыграют старинные скрипки
Мелодию вальса, что наши закружит года.

Нет сообщений в папке «Входящие»…
Снова зима опрокинута в снег.
Тени машин, по асфальту скользящие…
Нет сообщений… Нет…
Город чужой, лица чужие,
Адрес немые дома не подскажут.
Время застыло, словно в пустыне,
Там, где песок умирает от жажды.
Что же поделаешь…Коловращение
Остановилось. Зрячий стал слеп.
Спряталась жизнь где-то в расщелине.
Нет сообщений… Нет…

Поверить ли, что судный день любви
Вошел в судьбу мою отмоленной надеждой?
И дни вдруг стали терпкие, как прежде,
Давным-давно утраченные дни.

Поверить ли распахнутым глазам,
Прерывистому теплому дыханью,
Когда стихают буйная гроза
И молний в поднебесье полыханье?

Поверить ли, что долгий путь зимой,
Когда нет сил идти под тяжкой ношей,
Что гнет к земле, и груз еще не сброшен,
Вдруг отдых посулит и сердцу даст покой.

Мы часто верим в сны, что так на явь похожи,
Мы часто верим в миф, что растворен во лжи.
Поверить ли опять, что ты судьбу не прожил?
Что ты еще не жил… Что только начал жить…

Женщина, что рядом спит со мной,
Станет ли теперь моей судьбой?
Или, сбросив в сон остаток страсти,
Тихо дверь прикроет за собой…

СЦЕНКА В ДЕРЕВНЕ

Чья вы мама?
Наркомана…
А чего вы у колодца?
А мы любим здесь колоться!

Амстердамская рыжая шлюха,
Не старайся сбить меня влет.
По каналам дырявая шлюпка
Никуда уже не поплывет.

Ну, залезу я к ней под юбки,
В демонстрации страсти смешон.
Что увижу там? Той же Любки,
Той же Таньки дешевый шелк.

И в фантазмах бодря свой пенис,
Я пойму: подступил тот край…
Не родится из пепла Феникс,
Как тот пепел ни раздувай.

Не разбудишь – пали из пушки.
(Нервно пульсики бьют в крови)…
Я все вижу твои веснушки,
С легкой трещинкой губы твои.

Не уйти мне от этих видений.
На глазах изумленных дам
Я захлопну стеклянные двери.
Не ругай меня, Амстердам!

ТЕМ, КОМУ ЗА…

Увы, нам юные нимфетки
Не дарят ласки без «бабла».
И достаются нам объедки…
Объедки с бабского стола!

МОНОЛОГ

Уезжаешь? Уезжай!
Все бросаешь? Ну бросай!
Забирай свои игрушки
И меня не вспоминай.
Новой жизни захотел?
Смел, считаешь, значит, съел?
Ищешь в жизни приключений?
Ты смотри, какой пострел!
Нет уж, миленький, шалишь,
Тоже мне, нашел Париж!
От меня ты убегаешь?
От себя не убежишь!
Да не плачу я, окстись!
Кажется, тогда крестись.
Много вас таких, чтоб плакать,
Видно, не перевелись.
Ну и все! Давай, вали!
Меньше будет мне возни!
Да! Ключи на всякий случай
Все равно с собой возьми…

Горящего заката
Жмет болевой захват.
Нет, ты не виновата,
И я не виноват.
Стремглав по гулкой чаще
Бегут дорожки врозь.
Гуляли б в чаще в чаще,
Глядишь, и все б срослось!

ЛЕТО

Внукам

У лета - детские глаза,
Наполненные чистым счастьем,
Прекрасные, как бирюза
Морской волны, к рукам скользящей.
У лета - детская игра
С цветами, травами, ручьями.
Она по-своему мудра,
Как сказка. И порой печальна.
У лета – детская мечта:
Вдруг бабочкой коснуться неба,
Дрожащий жар вдохнув с листа
И запах убранного хлеба.
У лета – звонкий детский смех,
Очаровательно беспечный,
Когда летят качели вверх,
Мир открывая бесконечный.
И в этом мире без тревог
Нет зла и жизнь сама - как чудо.
И много впереди дорог,
Еще не пройденных покуда…

Рука почти что невесома,
Нежна, как лилии цветок…
Не выгоняй любовь из дома,
Где обрести ее я смог.
В твоих доверчивых ладонях
Увижу тайны бытия:
В них - отголоски прошлых болей
И отсверк скрытого огня.
О, Иорданская пустыня,
Безжизненная для глупцов.
Она сама себе постыла
Без иудейских мудрецов,
Что в паутине троп и тропок
Отыщут вечный смысл тиши.
И струны скрытые затронут
Спеленутой во тьме души.
Да будет так, как ты хотела,
Лелея чистоту свою…
Но зов пленительного тела
Сминает хрупкую броню.
И где-то полыхнут зарницы,
Внезапно нам даруя свет…
И сон спокойный на ресницы
Скользнет, храня тебя от бед.

Мне грустно без голоса твоего,
Без шелка волос, что потоком струится.
А ведь не случилось еще ничего,
Но хочется верить, что все же случится…

ДВА РОМАНСА

1

Бокал вина, скользнувший вдруг из рук,
Оставил на столе узоры красных кружев.
Мы встретились с тобой случайно, милый друг,
Но этот миг любви нам, словно воздух, нужен.

Не говори, молчи. Твои слова в ночи
Заманят, подарив нам призрачное счастье.
Дрожит на потолке неяркий круг свечи,
И мы, как мотыльки, сгораем в нем от страсти.

Как сладок вкус побед. Как горек этот вкус!
Как терпкое вино дурманит ароматом!
И на плечи опять ложится тяжкий груз,
Пьянящий груз любви, потерянной когда-то.

2

Уже почти угас камин,
Лишь жар его напоминает,
Как пахнет по ночам жасмин-
Цветок несбывшихся желаний.

В то лето жар иной кружил
Нас в белом вальсе первой встречи.
И лепестки ронял жасмин
На наши руки, наши плечи.

В саду крутилась мошкара,
И солнце за реку садилось

Все это было как вчера,
Все это так давно случилось.

Засохли белые цветы
В альбоме, что хранит те чувства.
Быть может, их случайно ты
Найдешь и улыбнешься грустно.

Как лента старого кино
Напомнит вдруг, что сердцу мило.
Все это было так давно,
Но это было, было, было…

ОСЕНЬ В ПРАГЕ

Опять дожди! Да что же это стало?
В какую даль вселился мокрый бес?
Как будто бы тихонько встала Влтава
И прилегла себе на край небес…

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Ты об изменах и о ревности:
Все ворошишь в душе года
Из той, давно ушедшей древности,
Что не вернется никогда.

Саднят, как прежде, раны прошлые,
Сгоняя с век ночной покой…
А я – нежданный и непрошеный
Любуюсь тонкою рукой,

Любуюсь пальцами летящими,
Рыжинками любимых глаз,
Моля судьбу, чтоб настоящее
Не покидало больше нас.

И длилось бы как волны времени,
Пока летит в ночи Земля.
И мы б с тобой в столетья верили,
А не в секунды бытия.

ЗАВИСТЬ

Ах, чертова зависть!
Не скажешь ей welcome
В мгновения, запечатленные мельком.
Ласкает волною тела юных женщин…
Желаний – все больше…
Возможностей - меньше…

Гравюра тонкого письма -
Осенние печали,
Дождем со стекол истекла
И скрылась в зазеркалье.
И лист узорчатый истек,
Оставив в кленах просинь,
Как акварели той исток,
Что обозначил осень.
Мир укрывается в плащи…
Зонты… Тепло глинтвейна…
И зябкость женщин и мужчин,
И зыбкость отраженья.
Но где единственный мосток,
Что лег сейчас меж нами?
Возьми с земли резной листок
И прикоснись губами.
И ты почувствуешь, что мир
Вновь обретет опору.
И осени разгульный пир
Тебе придется впору.

Когда-нибудь и обо мне ты скажешь:
«Каким он был? Писал… Мечтал… Любил…».
Но не связать две нити: «есть» и «был»,
Минувший день и нынешний не свяжешь.

И я в пространстве, где эфирный свет,
Услышу, может быть, твои слова.
И улыбнусь… На прошлое права
Теперь твои… Не мне держать ответ.

ВОЗРАСТ ХРИСТА

Сыну

Мой сын! Сегодня неспроста
Желаю я тебе удачи!
Достиг ты возраста Христа,
А это что-нибудь да значит.

Постигнув этой даты суть
(И здесь эмоции излишни),
Ты вспомни тот терновый путь,
Которым вел Его Всевышний.

Хотя и нет на мне креста,
И жизнь теперь иная стала.
Я не хочу, чтоб путь Христа
Ты повторил хотя бы в малом.

Да, у Него удел иной,
Он был распят (хотя и ожил).
Но ты, мой мальчик, не святой,
Да не бывал таким и в прошлом.

Но у тебя случались дни,
Когда судьба наотмашь била:
И распинали, и кляли,
И предавали – тоже было.

Но, не сдаваясь, день за днем
(Пусть тучи застилали небо),
Ты шел всегда своим путем
Каким бы трудным он и ни был.

По суматохе лет и дней
Тебя вела от Бога сила:
Любовь жены, любовь детей,
Моя любовь тебя хранила.

И в этот день простой итог
Мы подведем: такое дело –
Твой ясен путь! И, видит Бог,
Что сердце – нет, не оскудело.

Уж так устроен этот мир:
Мы в нем живем не понарошку!
Мой сын, мой мальчик, мой кумир…
Храни тебя Господь, Антошка!

В вине моя вина не захлебнется.
И выплывет. И вновь ко мне вернется.
За что вина? За все мои грехи.
Но только, черт возьми, не за стихи!

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ШЕКСПИРУ

10 СОНЕТОВ

(оригиналы и подстрочники см. http://shakespeare.ouc.ru/sonnet-ru.html)

СОНЕТ 2

Прекрасна свежесть юных лет,
Весь мир тебе как дар вручая.
Но дни бегут, возврата нет,
Путь сединой обозначая.

И кто-то спросит, может быть,
В конце пути: чем жизнь итожишь?
Устав и верить, и любить,
Что в судный день ты вспомнить сможешь?

Но что судьбе отчет давать?
Ее ты не пустил на ветер.
Нам оправданьем могут стать
Иные судьи – наши дети.

И словно в зеркалах, где виден солнца свет,
В них отраженье наших прежних лет.

СОНЕТ 22

Отрину всех зеркал я приговор
О старости. Меня не одурачить.
Я молод, как и ты. Пустой пророков спор,
Что разница в годах хоть что-то значит.

Твоя краса мне молодость хранит!
Сердцами обменявшись, мы – едины.
Да, время никого не пощадит:
И лягут на твое лицо морщины.

Но береги от них свою красу!
Нет, я себя не уроню пред нею
И охраню ее, подобно псу,
Подобно няньке, что дитя лелеет.

Но помни, если сердце разобьешь,
Твой дар, что жил во мне, обратно не вернешь!

СОНЕТ 28

Когда душа устала от невзгод,
Где счастье обрести? Бежит судьба по кругу…
То день, то ночь, как стражи у ворот,
Сменяют вечно на посту друг друга.

Я жду: придет покой с началом дня,
Но тяготы пути опять он мне пророчит.
Проходит день, и ночь казнит меня:
Как много горьких дум пронзают сумрак ночи!

О, сколько раз хвалу произносил
Я наступившим дням, пусть даже ливни бились.
И ночь о снисхождении молил,
Когда во мгле угрозы притаились.

Но день лишь продлевал мою печаль,
И гасла ночью на столе свеча…

СОНЕТ 30

У прошлого в плену вершит мой разум суд
Над каждым днем моим, над каждою мечтою.
Над горечью побед, неспетою строкою,
Над тем, что никогда мне годы не вернут.

Я сам себе судья и сам себе ответчик.
Лишь слезы на губах – таков суда итог.
И по друзьям моим, в небытие ушедшим,
И по любви твоей, что я сберечь не смог.

Суровый счет потерь мне совесть выставляет,
Я вновь плачу по ним – оплаченным давно.
Так на круги своя вернуться суждено
Тому, кому грехи судьба не отпускает.

И только в час ночной я нахожу спасенье:
Мне думы о тебе приносят утешенье.

СОНЕТ 60

Подобно ускользающей волне
Уходит жизнь, минута за минутой.
Еще одна… И нет ее… Как будто
Безвестный вор крадет их в тишине.

О, как юнец стремится подрасти!
И вот он – зрелый муж, ловец удачи.
Но Временем он к старости назначен,
Оно спешит… И нет назад пути.

Все губит Время! Вечности вампир,
Напитываясь соками природы,
Жестоко иссушает наши годы
И смерть в конце концов зовет на пир.

И лишь стихам моим, где я любовь воспел,
Не страшен Времени губительный прицел.

СОНЕТ 66

Желать ли смерти мне, иль, может, в кому впасть,
Чтобы избавиться от мерзостей потока.
От нищеты, что всюду сеет власть -
Ничтожные служители порока.

Когда повсюду царствует обман,
И над свободой золото смеется,
И девственность продажна, и талант,
И совесть за копейки продается.

Когда псы силы рвутся с поводков,
Чтоб снова страх глумился над страною.
И даже гений прославлять готов
То зло, что притворилось добротою.

Мое бессилье смерть могла б избавить…
Но как любимую пред этим злом оставить?

СОНЕТ 71

Вот колокол звонит. Не спрашивай: по ком?
По гибели моей его ты слышишь пенье.
От мерзостей земных ушел я в вечный сон,
Чтоб в лучшем из миров найти успокоенье.

Узнав про эту весть, меня скорей забудь:
Любовь моя отвергнет состраданье
Твое. И знай: потери не вернуть…
К чему теперь скорбеть и длить воспоминанья.

Быть может, строк мольбу моих прочтешь тогда,
Когда в могильной мгле с сырой смешаюсь глиной.
Забудь меня в тот час! И имя никогда
Не вспоминай над брошенной могилой.

Чтоб злоречивый свет не смог твою тоску
Насмешкой осквернить, когда навек усну.

СОНЕТ 91

Немало гордецов встречал на свете я:
Иные хвастались вельможными отцами.
Иные связями, хоть были подлецами,
В богатстве видя радость бытия.

Держали лошадей иные снобы,
Кто гончих псов, кто соколов гонял.
А кто-то гнался за презренной модой,
Кичился силой, часто жен менял.

О, как они гордились мишурой
Всей этой. Лишь одного не понимая,
Что я твою любовь не променяю
На все богатства юдоли земной.

И нищим я могу тогда лишь стать,
Когда любовь свою захочешь ты отнять.

СОНЕТ 116

Не дай мне Бог, узрев союз двух душ,
Подумать о другом для них исходе,
Когда внезапно, как холодный душ,
Захлопнув к сердцу дверь, любовь уходит.

Да и была ль, соединив двоих, она тогда?
Иль притворялась страстной.
Высокая и вечная звезда,
Что даже черной смерти не подвластна.

Нет, не бывает срока у любви,
С ней, настоящей, шутки не играют.
Ты только ту любовь благослови,
Которую за страсть не принимают.

Но если в жизни нет такой любви,
Тогда напрасны все стихи мои…

СОНЕТ 128

О, никогда таких я мук не знал,
Когда в неярком отблеске свечей
Я видел, как ласкает вирджинал*
Твоя рука и он покорен ей.

И клавиши, что музыку плели,
Касались пальцев смело в этот миг,
Как будто признавались в той любви,
Которую с тобой я не постиг.

Как я хотел бы быть на месте их!
Чтоб трепетно коснуться нежных рук
И разорвать страданий горьких круг,
Где музыка важнее мук моих.

Ну что ж! Коль деревяшкам пальцы - рай.
Отдай им их! Но губы мне отдай!

*Вирджинал – английская разновидность клавесина, бывшая в моде во времена Шекспира

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Виктор Шварц (1950 г.р., Москва) – писатель, издатель, журналист. Его перу принадлежат книги «Вспышка магния…» (в соавторстве с Борисом Тулиным. М,1984), поэтический сборник «Зачем стыдиться слез…» (М,2000), поэма «Инвалидный рынок» (М,2005), мемуары «Частная жизнь» (М,2010). По его сценариям были поставлены мюзикл «Кукла наследника Тутти» (по мотивам сказки Ю.Олеши «Три толстяка»), спектакль «Город Мир» и другие произведения. Автор ряда документальных фильмов, текстов песен звуковых альбомов «Переходный возраст» (композитор Юрий Петерсон), «Старинный альбом» (композитор Анатолий Кальварский).

Издатель и главный редактор газет «Частная жизнь», «Поле чудес», «Тайная власть» и других.

Заслуженный работник культуры России. Член Русского ПЕН-центра Всемирной Ассоциации писателей, член Международной федерации журналистов. Лауреат премии Союза журналистов России. Удостоен Пушкинской медали «Ревнителю просвещения» Академии Российской словесности.

В настоящее время живет и работает в Праге.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3
66-й, скорый 5
Старинный альбом 7
Мне б до звезды рукой достать 8
Уходящая натура 10
Что–то нынче мы все замолчали 11
Осенний марафон 12
Мы не живем, а доживаем 13
Отец 14
Разговор с душой 15
Яд вашем 17
Эпистолярный жанр 18
Закат в Сплите 19
Баллада о верном гусе 20
Исповедь кролика 22
Прощание 23
Его доставили в санбат 24
«ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ». 1991 год 25
На смерть Солженицына 27
Я плыву по реке, но не знаю реки той названье 29
Сказки 30
Детям 32
Баллада о старой леди 33
Прощание с манежем 35
Эта новость в мире не озвучится 37
Элегия 38
Эти памятные звуки. /Ирине Гинзбург-Журбиной/ 39
Снег идет 41
Оленьке 42
Париж. Начало XX века 43
Памяти Александра Ткаченко 44
Расстояния 45

Жизнь картой пустою в колоде....46
Предрождение дочки....48
Откуда ты взялась?....49
Инна....50
Нет сообщений в папке «Входящие»....51
Поверить ли, что судный день любви....52
Женщина, что рядом спит со мной....53
Сценка в деревне....54
Амстердамская рыжая шлюха....56

Тем, кому за....57
Монолог....58
Горящего заката....59
Лето. /Внукам/....60
Рука почти что невесома....61
Мне грустно без голоса твоего....62
Два романса....63
Осень в Праге....64
Ночной разговор....66
Зависть....67
Гравюра тонкого письма....68
Когда-нибудь и обо мне ты скажешь....69
Возраст Христа. /Сыну/....70
В вине моя вина не захлебнется....72
ПРИКОСНОВЕНИЕ К ШЕКСПИРУ 10 сонетов....73
Сонет 2....75
Сонет 22....76
Сонет 28....77
Сонет 30....78
Сонет 60....79
Сонет 66....80
Сонет 71....81
Сонет 91....82
Сонет 116....83
Сонет 128....84